JEL: E02, E58, H11
УДК 330.3+338.1

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.007-023>

Российская экономика: между кризисами

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович

академик РАН, доктор экономических наук, профессор
научный руководитель

Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск,
680042, Российская Федерация

E-mail: minakir@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-5451-5662

Аннотация. В статье анализируется динамика российской экономики в период кризиса 2015–2016 гг. и последовавшей стагнации в 2017–2019 гг. Рассматриваются основные составляющие экономической политики и оцениваются институциональные тренды, обуславливающие макроэкономическую динамику, в частности, потребительский спрос, инвестиции в основной капитал, внешнеторговая конъюнктура и ориентация экономических институтов. Приводится сравнение непосредственных причин и институциональных условий формирования и проявления кризисов российской экономики. Показано, что непосредственным поводом для формирования среднесрочного финансово-экономического цикла в российской экономике, интегрированной в глобальную рыночную среду, являются в соответствии с общей теорией экономических циклов и кризисов внешние ресурсные спросовые шоки. Сравнительное исследование сценариев и параметров российских экономических кризисов 1990-х и 2000-х гг. показало, что основной причиной, по которой глобальные шоки, стандартные по масштабам и механизму воздействия, оказывают более глубокое и длительное влияние на российскую экономику, формируя масштабные и глубокие финансово-экономические кризисы, является длящийся с начала 1990-х гг. и не преодоленный до настоящего времени кризис фундаментального институционального консерватизма, не допустивший формирование внутренних компенсаторов и стабилизаторов, способных ослабить или даже заблокировать действие внешних шоков. Показано, что выход российской экономики из кризиса 2015–2016 гг. блокируется двумя основными факторами: 1) началом очередного цикла рецессии в мировой экономике, что формирует новые спросовые и ресурсные внешние шоки; 2) устойчивостью экстрактивного характера российских экономических институтов, ориентированных не на формирование платформы экономического роста, а, напротив, на дезактивацию ресурсов роста.

Ключевые слова: экономический кризис, институты, совокупный спрос, денежно-кредитная политика, экономический рост, стагнация, темп роста, Россия

Для цитирования: Минакир П.А. Российская экономика: между кризисами // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 7–23. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.007-023>

Russian Economy: Between Crisis

P.A. Minakir

Pavel Aleksandrovich Minakir

Academician RAS, Doctor of Economics, Professor

Research Supervisor

Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhoookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation

E-mail: minakir@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-5451-5662

Annotation. The article analyzes the dynamics of the Russian economy during the crisis of 2015–2016 and subsequent stagnation in 2017–2019. The main components of economic policy are examined and institutional trends that determine macroeconomic dynamics, in particular, consumer demand, investment in fixed assets, foreign trade conditions and the orientation of economic institutions, are evaluated. A comparison is made of the immediate causes and institutional conditions for the formation and manifestation of crises in the Russian economy. It is shown that, in accordance with the general theory of economic cycles and crises, external resource demand shocks are a direct reason for the formation of the medium-term financial and economic cycle in the Russian economy, integrated into the global market environment. A comparative study of the scenarios and parameters of the Russian economic crises of the 1990s and 2000s showed that the main reason global shocks, standard in scale and mechanism of impact, have a deeper and longer impact on the Russian economy, creating large-scale and deep financial economic crises, has been ongoing since the early 1990s. and the crisis of fundamental institutional conservatism that has not been overcome so far, which prevented the formation of internal compensators and stabilizers that can weaken or even block the effect of external shocks. It is shown that the exit of the Russian economy from the crisis of 2015–2016 is blocked by two main factors: 1) the beginning of the next cycle of recession in the global economy, which creates new demand and resource external shocks, 2) the stability of the extractive nature of Russian economic institutions that are not oriented towards creating a platform economic growth, but, on the contrary, on the deactivation of growth resources.

Keywords: economic crisis, institutions, aggregate demand, monetary policy, economic growth, stagnation, growth rate, Russia

For citation: Minakir P.A. Russian Economy: Between Crisis. *Prostranstvennaya Ekonomika* = *Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 7–23. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.007-023> (In Russian).

В 2016 и 2018 гг. автором были опубликованы обзоры социально-экономической динамики в России, где был сделан акцент на институциональных провалах, которые являются главным компонентом лежащих в основе российских кризисов оснований (Минакир, 2016; Минакир, 2018). Эти провалы становятся катализаторами структурных шоков, которые и проявляются в форме социально-экономического кризиса. К настоящему времени накопилось достаточно эмпирического материала, подтверждающего гипотезу о

том, что именно долгосрочный провал в области экономических институтов является фундаментальной основой экономических кризисов в России, одновременно объясняя частоту и масштабы спровоцированных внешними шоками среднесрочных рецессий.

Первый в экономической истории постсоветской России экономический кризис 1992–1995 гг. стал результатом почти десятилетнего трансформационного цикла, начавшегося в середине 1980-х гг. (Минакир, 2001, с. 335–337). Содержанием этого цикла были системный институциональный шок, разрушение жизнеспособных и имевших большой потенциал адаптации к рыночной среде институтов и замена их новой институциональной платформой (Минакир, 2001; Интрилигатор, 1996; Львов и др., 2000; Петраков, 1998 и др.). Сам кризис стал реакцией на двойной шок – внешний (падение экспортных цен и доходов бюджета) и внутренний – ликвидация институтов, способных обеспечить адаптацию экономики, и замена их институтами, блокировавшими действие встроенных компенсаторов (формирование двухколейной экономики, управляемая девальвация рубля, контролируемая инфляция и пр.). Именно в первой половине 1990-х гг. был сформирован действующий до настоящего времени генеральный институциональный тренд, содержанием которого является формирование и развитие фундаментального институционального консерватизма.

Мировой кризис 1997–1998 гг., известный как «азиатский кризис» (Минакир, Горюнова, 2006; Монтес, Попов, 1999), сформировал сильный внешний шок для российской экономики в форме масштабного оттока финансового капитала, который был мультиплицирован в 1998 г. масштабами и структурой пирамиды финансирования государственного долга за счет внешних заимствований. Эта пирамида являлась следствием и формой конструировавшегося в 1990-х гг. упомянутого выше институционального консерватизма, проявлением которого стало открытие российского финансового рынка. В результате разразился сильнейший финансово-экономический кризис 1998–1999 гг., проявившийся как дефолт по внешним обязательствам, что спровоцировало обрушение российской валюты и конвертацию внешних обязательств правительства во внутренние обязательства российского бизнеса и населения (Минакир, Горюнова, 2006; Монтес, Попов, 1999).

Мировой долговой кризис 2007 г. сформировал внешний финансовый и конъюнктурный шок для российской экономики в форме массового оттока капитала с российского рынка (как и вообще с развивающихся рынков). И в этом случае внешний шок был не смягчен и тем более не блокирован внутренней институциональной средой, но, напротив, эта среда оказалась весьма «плодородна» для его превращения в валютно-финансовый кризис

2008–2009 гг. После кризиса 1998–1999 гг. государственный долг, номинированный в иностранной валюте, был фактически конвертирован в корпоративный внешний долг, быстрый рост величины которого стимулировался искусственным блокированием внутренних кредитных ресурсов. В условиях высоких темпов экономического роста, ориентированного на рост, прежде всего, внутреннего спроса, это провоцировало быстрый рост заимствований за рубежом. Финансовый рынок оставался открытым, препятствий для оттока капиталов не существовало, а возникший из-за этого оттока и высокого внутреннего спроса на валюту для обслуживания внешнего долга риск нового дефолта обусловил девальвацию рубля, за которой последовали банковский и экономический кризисы.

В 2014–2015 гг. российская экономика опять столкнулась с двумя практически синхронизированными внешними шоками. Во-первых, со снижением мировых цен на нефть, которые за короткое время снизились до уровня кризисного 2008 г. без каких-либо макроэкономических или финансовых катаклизмов в мировой экономике. Во-вторых, с введением секторальных, в первую очередь финансовых, санкций. Первый шок вызвал «эффект домино» (снижение валютных курсов, рост учетной ставки, сокращение инвестиций и потребительских расходов, падение в итоге темпов роста). Второй шок проявился как отток капитала, девальвация рубля, рост темпов инфляции и далее усиление «эффекта домино» (новое снижение потребительского спроса, сокращение инвестиций в связи с ограничением доступа к источникам кредита и технологиям, дальнейшее снижение темпов роста и их переход в отрицательную область). Как и для вышеописанных кризисов (1992–1995, 1998–1999, 2008–2009 гг.), эти реальные шоки не встретили какого-либо сопротивления со стороны так и не сформировавшихся в течение почти 30 лет внутренних компенсаторов и стабилизаторов, способных ослабить или даже заблокировать действие этих шоков. Напротив, не только не преодоленная, но и укрепившаяся после кризиса 2008–2009 гг. идеология фундаментального институционального консерватизма усугубила влияние новых шоков (Минакир, 2016; Алексащенко, 2016). Казалось бы, что институциональная платформа экономики должна была быть подвергнута корректировке после кризиса 2008–2009 гг., который имел наиболее тяжелые последствия для России по сравнению с остальными странами БРИКС и многими развивающимися экономиками как раз из-за отсутствия встроенных компенсаторов. Но такой корректировки в восстановительный период 2010–2013 гг. не произошло. Вместо стимулирования усложнения экономики за счет развития новых видов деятельности, вместо инвестирования экспортных доходов государства в формирование развитого внутреннего производственного спроса продолжалось наращивание доли государственного

потребления, по-прежнему строилась «выставочная экономика». В итоге российская экономика опять оказалась неподготовленной к встрече с очередными внешними шоками.

В условиях развернувшегося в итоге кризиса номинальные возможности государственного бюджета существенно сократились в связи с сокращением размеров внешнеторговой ренты, и это привело к секвестру государственных расходов. Но секвестр коснулся не военно-технических программ и мегапроектов, а как раз доходов домашних хозяйств. Последние сократились не только в связи с «оптимизацией» в различных сегментах бюджетного сектора, но и по причине оптимизации расходов бизнеса в условиях сокращавшегося спроса и нарастающего налогового давления.

При этом сохранение и даже наращивание размеров государственного спроса за счет реализации мегапроектов и закупки продукции и услуг военно-технического назначения не могло заменить рост эндогенного спроса бизнеса и домашних хозяйств. Доходы федерального бюджета ни номинально, ни по темпам роста были недостаточны для того, чтобы обеспечить адекватное потребностям экономики увеличение совокупного спроса.

Поэтому неудивительно, что впервые после кризиса 1998–1999 гг. в 2015–2016 гг. наблюдалось снижение реальных доходов населения, которые по сравнению с 2014 г. упали на 11,7 п. п. и даже после слабого роста в 2019 г. остаются ниже 2014 г. на 11 п. п. (рис.). То есть внутренний потребительский рынок оказался не в состоянии выполнять функцию компенсатора спросовых шоков во время острой фазы кризиса и до сих пор не может использоваться как фактор, который мог бы способствовать росту российской экономики.

Рис. Реальные доходы населения, %, 2014 = 100

Fig. Real Personal Incomes, %, 2014 = 100

Примечание: данные за 2019 г. отражают статистику за январь – ноябрь 2019 г., отнесенную к статистике за январь – ноябрь 2018 г.

Источники: Социально-экономическое..., 2018b; Краткосрочные..., 2018; Социально-экономическое..., 2018a; Минакир, 2016; Повышение..., 2019.

Все это является свидетельством чрезвычайной устойчивости курса на сохранение в российской экономике превалирования экстрактивных институтов, поддерживающих извлечение ренты (экономической или политической) в пользу экономической и политической элит, над институтами инклюзивными, обеспечивающими благоприятные условия для производительной деятельности и эффективного приложения и накопления производственных ресурсов (Натхов, Полищук, 2017). Такое институциональное упорство может расцениваться как наиболее вероятная причина необычной длительности кризиса российской экономики.

Правда, с 2017 г. в экспертных кругах и правительственных инстанциях мейнстримом стало утверждение об окончании кризиса, завершении адаптации экономики к внешним шокам и состоявшемся переходе к новому равновесному состоянию. Это новое равновесие усматривалось в уменьшении зависимости от динамики внутреннего потребительского спроса и низких темпов инфляции (Минакир, 2018). Казалось бы, такие утверждения имели под собой основания, которые, впрочем, сводились в основном к положительным квартальным темпам прироста ВВП (Минакир, 2018). Впрочем, если судить по цепным индексам, и после 2017 г. российская экономика удерживалась в зоне положительных значений годовых приростов основных макроэкономических индикаторов (*табл. 1*).

Таблица 1
Макроэкономические индикаторы в России, % к предыдущему году

Table 1

Russian macroeconomic indicators, % to previous year			
Индикатор	2017	2018	2019*
ВВП	101,6	102,3	101,2**
Промышленность	101,0	102,9	102,4
Сельское хозяйство	102,4	99,4	104,1
Транспорт	105,4	102,9	100,7
Розничная торговля	101,2	102,6	101,6
Оборот внешней торговли	125,1	118,7	96,7
Инвестиции	104,2	104,1	100,7
Реально располагаемые доходы населения	98,3	100,3	100,8
Индекс потребительских цен	103,7	102,9	103,5
Индекс цен производителей	107,6	111,9	93,7

Примечание: * январь – ноябрь 2019 г. к январю – ноябрю 2018 г.; ** оценка Всемирного банка (Повышение..., 2019).

Источники: Социально-экономическое..., 2018b; Краткосрочные..., 2018; Социально-экономическое..., 2018a; Социально-экономическое..., 2019a.

Свидетельствует ли это о том, что кризис действительно закончился в 2016 г. и сейчас мы наблюдаем мучительный восстановительный рост?

Формально все выглядит именно так. Если не считать отрицательного темпа прироста сельскохозяйственного производства в 2018 г., снижения темпов роста внешнеторгового оборота и дефляционного срыва цен производителей по итогам 11 месяцев 2019 г., то темпы прироста по всем остальным секторам после 2017 г. стабильно положительны. Правда, при взгляде на таблицу 1 нельзя не отметить постоянно снижающийся темп роста продукции транспорта и объема инвестиций в основной капитал. Первое свидетельствует о реальном торможении производства и обмена, а второе – о том, что реальный рост экономики все более отодвигается в будущее. Однако существует и более серьезное основание для сомнений в окончательном преодолении кризиса и обоснованности его датирования только периодом 2015–2016 гг. Динамика макроэкономических индикаторов за период 2015–2019 гг. по отношению к последнему предкризисному году (2014) свидетельствует о том, что экономика только в 2019 г. вошла в зону слабого роста. Годом ранее это сделала промышленность. А сельское хозяйство, судя по статистическим показателям, вообще избежало кризиса (табл. 2).

Динамика макроэкономических индикаторов, %, 2014 = 100

Таблица 2

Table 2

Macroeconomic dynamic, %, 2014 = 100

Индикатор	2015	2016	2017	2018	2019*
ВВП	96,3	96,1	97,6	99,8	101,0
Промышленность	96,6	97,8	98,8	101,7	104,1
Сельское хозяйство	103,0	107,9	110,5	109,9	114,3
Инвестиции в основной капитал	91,6	91,0	94,9	98,7	99,5
Оборот внешней торговли	66,8	57,8	72,3	85,9	83,1
Реальные доходы населения	95,1	89,6	88,1	88,3	89,0
Индекс потребительских цен	112,9	119,0	123,3	127,0	131,4
Индекс цен производителей	110,7	119,0	128,1	143,2	134,3

Примечание: * январь – ноябрь 2019 г. к январю – ноябрю 2018 г.

Источники: рассчитано по данным: Социально-экономическое..., 2018b; Краткосрочные..., 2018; Социально-экономическое..., 2018a; Социально-экономическое..., 2019a.

Почему же российская экономика до сих пор не может войти в фазу устойчивого роста? Ссылка на то, что «механизмы торможения роста в России носят исключительно политико-институциональный характер» (Алексашенко, 2016), как отмечалось выше, справедлива, но является предельно общей констатацией давно уже очевидного факта и вполне может объяснять застойный характер экономической динамики на длинных периодах. Однако в коротком периоде необходимо найти более конкретное объяснение, тем более, что кризисы 1998–1999 и 2008–2009 гг., также покоившиеся на

политико-институциональной платформе, не переходили в фазу затяжной депрессии. Это тем более важно, что в 2015–2016 гг. формировались и действовали как инвариантные по отношению к институциональному режиму автономные рыночные компенсаторы и стабилизаторы внешнего и внутреннего характера, так и некоторые вполне инклюзивные институты.

Пожалуй, можно назвать пять автономных компенсаторов и стабилизаторов, которые обусловили ограниченность острой фазы кризиса двумя годами. Во-первых, убытки большинства мировых игроков на энергетических рынках обусловили заключение картельного соглашения, в результате которого мировые цены на энергоносители повысились, увеличив доходы российских экспортеров и федерального бюджета. Это позволило влить в экономику дополнительные средства, которые пошли на поддержание доходов домашних хозяйств и уровня государственного спроса. Во-вторых, девальвация рубля позволила уменьшить внешнюю задолженность и выиграть время для переключения финансирования инвестиций и оборотных средств с внешних на внутренние источники. В-третьих, девальвация рубля стимулировала экспорт и поддержала профицит торгового баланса. В-четвертых, экономические агенты адаптировались к новому масштабу цен. В-пятых, потребители исчерпали запас терпения и от стратегии отложенного потребления перешли к стратегии потребления в счет ожидаемых доходов (Минакир, 2018).

Кроме того, внеэкономические внешние шоки активизировали процессы точечной корректировки внутренней институциональной среды в направлении частичного отхода от начетническо-ученической концепции «невидимой руки» в пользу создания фрагментарной промышленной политики. Это коснулось, прежде всего, сельского хозяйства и сопряженных отраслей пищевой промышленности, которые оказались под «зонтиком» продовольственных антисанкций, а также некоторых подотраслей, инкорпорированных в оборонный комплекс, многие из которых на фоне политического кризиса не просто получили дополнительные ресурсы для развития, но были заново созданы, сформировав целые сектора нового спроса.

Этого, однако, не хватило для формирования устойчивого экономического роста на основе эндогенных факторов. Российская экономика, выйдя из полосы острого кризиса, столкнулась с весьма неприятной реальностью: вместо восстановительного роста она попала в фазу «восстановительной стагнации». Сохраняя консервативность институциональной среды в качестве официальной экономической политики, Россия столкнулась с новым «неожиданным» внешним шоком. Таким шоком стало торможение мировой экономики, которая, не до конца преодолев последствия глобальной рецессии 2007–2008 гг. (Ершов, Танасова, 2019), столкнулась с серьезными

институциональными вызовами¹, ускорившими деформацию либеральной экономики как глобальной институциональной платформы экономических взаимодействий.

Невозможно однозначно оценить, является ли это торможение ответом на тактические «операции» США, направленные на обеспечение преимуществ в рамках вероятной новой конфигурации глобальных торгово-экономических институтов, или же мировая экономика втягивается в очередной финансово-экономический кризис. Грань между тактическими маневрами и глобальной рецессией трудноуловима и вряд ли может контролироваться даже ключевыми игроками в мировой экономике. Пока прогнозы развития ухудшаются только в краткосрочном периоде. Так, для развитых экономик темпы роста в 2020 г. прогнозируются на очень низких уровнях, порядка 102% в год для США и порядка 101,5% для зоны Евро и Великобритании. Экономика Японии скатывается в очередную рецессию, показывая темпы роста в 99% в 2019 г. со снижением до 96% в 2020 г. Несколько лучше обстоят дела в странах с развивающейся экономикой, для которых средний темп роста прогнозируется 104,7% в 2020 г., формируясь в основном темпами азиатских развивающихся экономик, прогнозируемыми на уровне 106–106,2%, в том числе 106% для китайской и 107,2% для индийской экономик (табл. 3).

Темпы экономического роста в странах мира, % к предыдущему году

Таблица 3

Table 3

World economies growth rates, % to previous year

Страна	2017	2018	2019*	2020*
Мир в целом	103,8	103,6	103,2	103,5
США	102,2	102,4	102,6	101,9
ЕС	102,4	101,9	101,3	101,6
Япония	101,9	100,8	100,9	100,4
Китай	106,8	106,6	106,2	106,0
Россия	101,6	102,3	101,2	101,9
СНГ без РФ	103,5	103,9	103,5	103,7

Примечание: * прогноз МВФ.

Источник: Мировой..., 2019.

При этом риски накапливаются как в финансово-экономической сфере, так и в институциональной среде. В частности, все в большей степени экономический рост поддерживается за счет ускоряющегося роста фондовых

¹ Одним из наиболее очевидных и разрушительных по краткосрочным последствиям является кризис глобального регулирования мировой торговли, проявляющийся в масштабных торговых войнах (США – КНР, США – ЕС) и массовом применении экономических санкций в качестве инструментов получения торговых, финансово-экономических и политических преимуществ.

рынков в развитых странах и наращивания государственного долга, уровень которого во многих странах достиг максимально возможных значений с точки зрения поддержания экономического равновесия. Для поддержания темпов роста используется стратегия монетарного смягчения, но в условиях минимальных (и даже отрицательных) значений учетных ставок центральных банков эффективность этой стратегии становится все более проблематичной (Ершов, Танасова, 2019).

Вместе с тем, появляются и свидетельства вероятности более длительных негативных процессов в мировой экономике. В частности, эксперты ожидают, что темп прироста мирового экспорта будет оставаться ниже показателей динамики ВВП вплоть до 2024–2025 гг. (Сокращение..., 2019).

Тот факт, что темпы роста российской экономики сейчас и в краткосрочной перспективе находятся на уровне развитых экономик, может успокаивать и даже радовать только очень убежденных апологетов «западного пути», для которых, очевидно, закрепление экономического провала 2015–2016 гг. является нормальным состоянием. Для всех остальных такое состояние ненормально. Официальной доктриной на 2018–2024 гг. в России является опережение или хотя бы удержание на уровне «среднемировых» темпов экономического роста, которые, кстати, поддерживаются остальными странами, входящими в СНГ. То есть, учитывая сползание части мировой экономики в зону низких темпов роста, ориентиром для России становится среднегодовой темп роста 103–104%, или 127–127,5% в целом за период. Учитывая, что темп роста в 2018–2020 гг. составит не более 105,5–106%, на 2021–2024 гг. для выполнения «политического норматива» необходимо обеспечить среднегодовой темп роста на уровне 104,6–104,7%. Это, как отмечалось выше, соответствует сегодняшним темпам экономического роста развивающихся стран. Впрочем, сам по себе темп роста является не более чем статистической иллюстрацией успехов или неудач в реализации экономических целей, которые стоят перед страной. «Красивая» сравнительная статистика не является такой целью, а вот реальный прогресс уровня и качества жизни в стране является. Основа для такого прогресса – сокращение разрыва в среднедушевом национальном «богатстве» между Россией и развитыми странами мира, при всех условностях измерения этого показателя. Пока наблюдается пятикратное отставание России от развитых стран мира по этому показателю (Повышение..., 2019).

Но способна ли в нынешнем состоянии политических и экономических институтов российская экономика на прорыв в области темпов роста? Ничего сверхъестественного в таких ожиданиях нет, тем более что российская экономика уже демонстрировала темпы роста в 106–108% в год (в первой половине 2010-х гг.). И в настоящее время «нашу экономику легко разогнать

до 4–5% роста в год за счет внутренних финансов» (Миркин, 2020), но вот внутренние финансы как раз и оказываются почти непреодолимым барьером. Вернее, отсутствие этих финансов. Если судить по маневрам 2018–2019 гг. в области экономической политики в целом, и денежно-кредитной в частности, которые сводятся к стремлению любой ценой обеспечить незыблемость «учебно-неоклассического» курса даже ценой обеспечения стабильности рецессии российской экономики, «разгон» российской экономики весьма проблематичен.

Главный вопрос заключается в способности обеспечить транзит экспортных доходов в эффективные проекты развития, стимулировать увеличение внутреннего потребительского и предпринимательского спроса, гарантировать долгосрочное финансирование инвестиций в основной и оборотный капитал, поддерживать адекватную требованиям экономики денежно-кредитную и налоговую политику. Пока ответы на все эти вопросы отрицательны, хотя реальные факты ясно показывают, что даже незначительные отступления от «верноподданнического неоклассического фундаментализма» дают удивительно обнадеживающие результаты.

Так, например, даже очень осторожное смягчение денежно-кредитной политики в середине и осенью 2019 г. в форме снижения Центральным банком ключевой ставки и ускорение расходования средств государственного бюджета подтолкнуло спрос и обеспечило в III квартале 2019 г. прирост ВВП на 1,7% год к году. При этом рост промышленного производства увеличился примерно на 0,4% по отношению к III кварталу 2018 г. с учетом сезонности. Оживление динамики роста отмечалось и в октябре (Повышение..., 2019).

Тем не менее монетарные власти продолжают упорствовать в проведении жесткой денежно-кредитной политики, настаивая на том, что контролирование инфляции и выполнение «бюджетного правила» являются безальтернативным императивом. При этом поклонников «классического монетаризма» совершенно не смущает то, что, согласно прогнозам самого Центрального банка, при темпе инфляции в 2020 г. 103,5–104% темп экономического роста не превысит 101,5–102% (Основные..., 2019). Если раньше маниакальное стремление подавить предложение денег можно было объяснить начетничеством и наивностью вновь приобщенных к монетарной теории, то к настоящему времени такое объяснение не может быть принято. Все очевиднее то, что мировые экономики с легкостью предадут забвению теоретические догмы ради формирования условий экономического роста (Ершов, Танасова, 2019). Но в России экономическая политика со все большим упорством концентрируется на «стерилизации» экономики, «освобождении» ее от ресурсов развития при столь же упорном декларировании верности экономическому росту. Финансовые ресурсы изымаются из

экономики страны в результате солидарных усилий самого Центрального банка и правительства.

Первый планирует сокращение в 2020 г. объема валового кредита коммерческим банкам при увеличении объема их средств, размещаемых на депозитах в самом Центральном банке. Центральный банк, очевидно, полагает, что накопленный к октябрю 2019 г. профицит ликвидности в коммерческих банках в размере более 2 трлн руб. (Основные.... 2019), которые, по прогнозам, могут превратиться в 5 трлн руб. уже к 2023 г., могут стать угрозой для российской экономики. От этой угрозы политика регулятора «охраняет» экономику, вымывая ликвидность, которая может привести к росту кредитной массы, а тем самым в значительной степени блокирует все остальные факторы экономического роста.

Однако существует еще и механизм изъятия денег из экономики через повышенные процентные ставки по кредитам, как для бизнеса, так и для домохозяйств. Этот механизм прост, но эффективен, правда не для российской экономики: произведенный в экономике доход аккумулируется на счетах в коммерческих банках, которые частично используют его для кредитования по завышенной цене (учетной ставке) бизнеса или домашних хозяйств; в результате снижения спроса на деньги и повышения ставки дохода банков у последних образуются излишки, которые аккумулируются Центральным банком уже на своих счетах (депозитах коммерческих банков). Таким образом, экономика остается без денег (во всяком случае длинных денег), а макроэкономические регуляторы рапортуют о низкой инфляции.

Еще одним «эффективным институтом», тщательно «стерилизующим» экономику, является правительство, а особенно Министерство финансов РФ. Опираясь на «бюджетное правило», последнее азартно выводит ликвидность из экономики, скупая иностранную валюту через все тот же Центральный банк. Только в 2018 г. объем закупок валюты составил около 4 трлн руб. Эти деньги были изъяты из российской экономики и перелиты в экономику «западных партнеров».

Еще одним способом изъятия финансовых ресурсов из российской экономики, ограждающим ее от роста, является профицит бюджета. В 2018 г. он составил 2,7 трлн руб., а за 11 месяцев 2019 г. – 3,1 трлн руб. (Социально-экономическое..., 2019b). В проекте бюджета на 2020–2022 гг. предусмотрено превышение доходов над расходами в размере от 0,8 до 0,2% ВВП. То есть за 2018–2022 гг. суммарный профицит можно оценить в 7,5 трлн руб., или порядка 1,1–1,3% суммарного ВВП за эти годы. Конечно, речь здесь идет только о федеральном бюджете, профицит консолидированного бюджета РФ составил только за 2018 г. и 11 месяцев 2019 г. более 7,2 трлн руб. (Социально-экономическое..., 2019b).

Конечно, сам по себе профицит бюджета еще не тормозит экономический рост, хотя можно привести примеры, показывающие, что рост весьма благополучно сосуществует с дефицитом бюджета¹. Более того, при четко организованном механизме трансферта дополнительных доходов в экономику, в наиболее эффективные точки приложения капитала и труда профицит может стать одним из существенных источников роста. Но вот вымывание ликвидности из экономики, что приобрело в России статус устойчивого института, как раз и блокирует экономический рост.

Согласно «бюджетному правилу» дополнительные доходы бюджета должны конвертироваться в иностранную валюту и направляться в Фонд национального благосостояния, инвестирование средств которого допускается лишь после достижения им размера в 7 трлн руб., который достигнут уже в 2019 г. (7,95 трлн руб. по состоянию на 1 декабря) (Социально-экономическое..., 2019b). При этом оказывается, что, например, в 2019 г. из 2 трлн руб. бюджетного профицита 1,7 трлн руб. аккумулированы Министерством финансов РФ через выпуск облигаций государственного займа, в закупках которых все явственнее проявляется заинтересованность зарубежных инвесторов. Получаем весьма простую, но никак не поддающуюся логическому объяснению схему (если считать логичной деятельность по стимулированию экономического роста): наращивание государственного долга для формирования профицита бюджета, который расходуется на приобретение валюты с последующим ее размещением согласно рекомендациям МВФ в резервных фондах и на зарубежных счетах, причем основных экономических конкурентов России – США, ЕС, КНР. Есть только две «разумные» причины такой «стратегии». Во-первых, поддержание функционирования фондового рынка и привлечение в страну «горячих капиталов», ориентированных на высокие ставки доходности российских бумаг (основная масса бумаг торгуется по ставкам 6,2–7,2% годовых), которые на фоне падения ставок доходности практически всех серьезных эмитентов долговых обязательств являются лакомством для международных и российских финансовых спекулянтов. Во-вторых, упомянутое вымывание ликвидности с российского рынка.

Помимо стерилизации ликвидности банковская система блокирует экономический рост с помощью запретительных барьеров на пути получения инвестиционных кредитов. Доступ к «длинным деньгам» перекрывается высокими процентными ставками. Притом, что в коммерческих банках из-

¹ «...В США за последние 44 года ...накопленный дефицит бюджета составил почти 14 трлн долл., а прирост американского ВВП – почти 19 трлн. В Великобритании ...накопленный дефицит составил 1,6 трлн ф. ст., а прирост ВВП – 1,8 трлн...» (цитируется по: Ершов, Танасова, 2019, с. 20).

быток ликвидности составляет порядка 2 трлн руб., средние процентные ставки по кредитам нефинансовым организациям на срок свыше трех лет составляют 8,5% в год (Социально-экономическое..., 2019b, с. 197). Конечно, можно сослаться на то, что на депозитах юридических лиц остатки на конец 2019 г. составляли 22,9 трлн руб. и еще более 29 трлн руб. составляют остатки на депозитах физических лиц (Социально-экономическое..., 2019b, с. 196), что вполне покрывает потребность в «длинных деньгах», учитывая, что на 1 декабря 2019 г. общая сумма предоставленных кредитными организациями средств юридическим лицам на срок свыше одного года составила 29,7 трлн руб. (Социально-экономическое..., 2019b, с. 193). Но это утверждение свидетельствовало бы либо о безграмотности, либо о лицемерии по следующим причинам.

С одной стороны, население не станет инвестировать в стагнирующую экономику, тем более, что рассматривает свои сбережения как «запас на черный день». Как упоминалось выше, реальные доходы населения практически не растут, и в этих условиях нарастает кредитная нагрузка на домохозяйства. Объем задолженности по кредитам, полученным населением, за вычетом ипотечных кредитов, составил на декабрь 2019 г. 9,9 трлн руб., увеличившись по сравнению с декабрем 2018 г. на 1,6 трлн руб. (Социально-экономическое..., 2019b, с. 195).

С другой стороны, бизнес будет инвестировать только тогда, когда степень доверия к экономической политике государства станет выше, чем оценка риска от ныне проводящейся политики. Кроме того, что само государство блокирует факторы роста в экономике, оно еще и осуществляет изрядное давление на бизнес, причем не только административное, но и чисто экономическое. Так, например, за 2015–2018 гг. размер начисленных налогов и сборов увеличился в 1,7 раза¹.

В целом, можно сделать вывод, что российские экономические институты настроены таким образом, чтобы щедро финансировать экономический рост за границей, но тормозить российский экономический рост, осушая его финансовую базу, блокируя рост деловой активности и потребительского спроса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексащенко С.* Почему дно кризиса еще не пройдено? // Ежедневная деловая газета РБК. 2016. 29 июня. № 113 (2369). URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/06/29> (дата обращения: январь 2020).
- Ершов М.В., Танасова А.С.* Мир и Россия: инфляция минимальна, экономический

¹ Рассчитано по данным Российской налоговой службы. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: январь 2020).

- рост замедляется, риски повышаются // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-5-23>
- Интригатор М.* Шокирующий провал «шоковой терапии» // Реформы глазами американских и российских ученых / под общ. ред. О.Т. Богомолова. М., 1996. С. 129–136.
- Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации / ФСГС. 2018. URL: <https://gks.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: январь 2020).
- Львов Д.С., Макаров В.Л., Клейнер Г.Б.* Экономика России на перепутье веков. М.: Управление мэра Москвы, 2000. 85 с.
- Минакир П.А.* Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 7–15. <https://doi.org/10.14530/se.2018.1.007-015>
- Минакир П.А.* Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001. 536 с.
- Минакир П.А.* Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 7–13. <https://doi.org/10.14530/se.2016.1.007-013>
- Минакир П.А., Горюнова Н.П.* Финансовые кризисы на развивающихся рынках. М.: Наука, 2006. 215 с.
- Миркин Я.* Администрация роста // Российская газета. Федеральный выпуск. 2020. 3 февраля. № 22 (8076). URL: <https://rg.ru/2020/02/03/iakov-mirkin-nashu-ekonomiku-legko-razognat-do-4-5-rosta-v-god.html> (дата обращения: январь 2020).
- Мировой рост продолжает оставаться вялым / МВФ. Июль 2019. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2019/07/18/WEOupdateJuly2019> (дата обращения: январь 2020).
- Монтес М.Ф., Попов В.В.* «Азиатский вирус» или «Голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах. М.: Дело, 1999. 136 с.
- Натхов Т.В., Полищук Л.И.* Политэкономика институтов и развития: как важно быть инклюзивным // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2 (34). С. 12–38.
- Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов / Банк России. М., 2019. 148 с.
- Петраков Н.Я.* Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998. 286 с.
- Повышение роли внутренних реформ на фоне ухудшения прогноза мировой экономики. Доклад об экономике России / Группа Всемирного банка. 2019. 72 с. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/782731577724536539/pdf/Weaker-Global-Outlook-Sharpens-Focus-on-Domestic-Reforms.pdf> (дата обращения: январь 2020).
- Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Сулов Д.В.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 2. С. 110–149. <https://doi.org/10.14530/se.2019.2.110-149>
- Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2015 г. // Пространственная экономика. 2016. № 2. С. 123–157. <https://doi.org/10.14530/se.2016.2.123-157>
- Сокращение внешнеторгового оборота России в условиях замедления роста мировой экономики // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. Выпуск № 56. Декабрь / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_декабрь_web.pdf (дата обращения: январь 2020).
- Социально-экономическое положение России – 2019 г. / ФСГС. 2019а. https://gks.ru/bgd/regl/b19_01/Main.htm (дата обращения: январь 2020).

- Социально-экономическое положение России – 2018 г. / ФСТС. 2018. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_01/Main.htm (дата обращения: январь 2020).
- Социально-экономическое положение России. 2017 год / ФСТС. 2018. № 12. URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-12-2017.pdf (дата обращения: январь 2020).
- Социально-экономическое положение России. 2019 год / ФСТС. 2019b. № 12. URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/osn-12-2019.pdf> (дата обращения: январь 2020).

REFERENCES

- Aleksashenko S. Why the Bottom of the Crisis Has not yet Been Passed? *Ezhednevnyaya Delovaya Gazeta RBK* [Daily Business Newspaper RBC], 2016, 29 June, no. 113 (2369). Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/06/29> (accessed January 2020). (In Russian).
- Ershov M.V., Tanasova A.S. The World and Russia: Inflation is Minimal, Economic Growth is Slowing, Risks are Rising. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues], 2019, no. 12, pp. 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-5-23> (In Russian).
- Intriligator M. Shocking Failure of 'Shock Therapy'. *Reforms Through the Eyes of American and Russian Scientists*. Edited by O.T. Bogomolov. Moscow, 1996, pp. 129–136. (In Russian).
- Lvov D.S., Makarov V.L., Kleiner G.B. *Russia's Economy at the Crossroads of Centuries*. Moscow, 2000, 85 p. (In Russian).
- Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2020 and the Period 2021 and 2022*. Bank of Russia. Moscow, 2019, 148 p. (In Russian).
- Minakir P.A. Russian Crisis: Expectations Against Facts. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2018, no. 1, pp. 7–15. <https://doi.org/10.14530/se.2018.1.007-015> (In Russian).
- Minakir P.A. Shocks and Institutions: The Paradoxes of Russian Crisis. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2016, no. 1, pp. 7–13. <https://doi.org/10.14530/se.2016.1.007-013> (In Russian).
- Minakir P.A. *System Transformations in the Economy*. Vladivostok, 2001, 536 p. (In Russian).
- Minakir P.A., Goryunova N.P. *Financial Crises in Emerging Markets*. Moscow, 2006, 215 p. (In Russian).
- Mirkin Ya. Team of Growth. *Rossiyskaya Gazeta. Federalniy Vypusk* [Russian Newspaper. The Federal Release], 2017, 11 November. Available at: <https://rg.ru/2017/11/20/iakov-mirkin-my-sozdali-unikalnuiu-ekonomiku-po-porucheniiam.html> (accessed January 2020). (In Russian).
- Montes M.F., Popov V.V. Asian Virus or Dutch Disease: Theory and Evidence of Currency Crises in Russia and Elsewhere. Moscow, 1999, 136 p. (In Russian).
- Natkho T.V., Polishchuk L.I. Political Economy of Institutions and Development: The Importance of Being Inclusive. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2017, no. 2 (34), pp. 12–38. (In Russian).
- Petrakov N.Ya. *Russian Roulette: Economic Experiment at the Cost of 150 Million Lives*. Moscow, 1998, 286 p. (In Russian).
- Prokapalo O.M., Bardal A.B., Isaev A.G., Mazitova M.G., Suslov D.V. Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2018. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 110–149. <https://doi.org/10.14530/se.2019.2.110-149> (In Russian).

- Prokapalo O.M., Isaev A.G., Mazitova M.G. Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2015. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2016, no. 2, pp. 123–157. <https://doi.org/10.14530/se.2016.2.123-157> (In Russian).
- Reduction of Russian Foreign Trade Turnover amid Slowing Global Economic Growth. *Bulleten o Tekushchikh Tendentsiyakh Rossiyskoy Ekonomiki = Bulletins on Current Trends in Russian Economy*, 2019, vol. 56, December. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Available at: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_декабрь_web.pdf (accessed January 2020). (In Russian).
- Short-Term Economic Indicators of the Russian Federation*. Federal State Statistics Service, 2018. Available at: <https://gks.ru/compendium/document/50802> (accessed January 2020). (In Russian).
- Socio-Economic Situation in Russia. 2017*. Federal State Statistics Service, 2018, no. 12. Available at: www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-12-2017.pdf (accessed January 2020). (In Russian).
- Socio-Economic Situation in Russia. 2018*. Federal State Statistics Service, 2018. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b18_01/Main.htm (accessed January 2020). (In Russian).
- Socio-Economic Situation in Russia. 2019*. Federal State Statistics Service, 2019a. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b19_01/Main.htm (accessed January 2020). (In Russian).
- Socio-Economic Situation in Russia. 2019*. Federal State Statistics Service, 2019b, no. 12. Available at: <https://gks.ru/storage/mediabank/osn-12-2019.pdf> (accessed January 2020). (In Russian).
- Still Sluggish Global Growth*. IMF, July 2019. Available at: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2019/07/18/WEOupdateJuly2019> (accessed January 2020). (In Russian).
- Weaker Global Outlook Sharpens Focus on Domestic Reforms. December 4, 2019: 42nd Issue of the Russia Economic Report*. World Bank, 2019, 72 p. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/782731577724536539/pdf/Weaker-Global-Outlook-Sharpens-Focus-on-Domestic-Reforms.pdf> (accessed January 2020). (In Russian).

Поступила в редакцию / Submitted: 11.02.2020

Принята к публикации / Revised: 25.02.2020

Опубликована online / Published online: 30.03.2020